

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 1
ноябрь 2004

Анатолий Торкунов

Мировые реалии начала XXI века и внешняя политика России

Центр исследований
проблем войны и мира

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научно-координационного совета по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

Выпуск 1

Ноябрь 2004

Тема

«Мировые реалии начала XXI века и внешняя политика России»

Главный редактор: Александр Орлов

Редактор выпуска: Юрий Федоров

Дизайнер: Николай Винник

Корректор : Тамара Тищенко

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМО
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке © Торкунов Анатолий Васильевич, 2004
Центра интернет-политики © МГИМО (У) МИД России, 2004
МГИМО (У) МИД России

Отпечатано в типографии
МГИМО (У) МИД России
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 1.11.2004

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.0

Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Центр исследований проблем войны и мира

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 1
(ноябрь 2004)

Анатолий Торкунов
Член-корреспондент Российской Академии наук

Мировые реалии начала XXI века и внешняя политика России

Москва
МГИМО – Университет
2004

Содержание

Введение.....	3
Глобализация и фрагментация современного мира	4
Новые угрозы	10
«Коалиция заинтересованных» в стабильности и безопасности	16
Обновление внешнеполитической философии России	24
Цель – «коалиция победы»: от политической философии к политической практике	31
Заключение	39

Введение

Мировое развитие ставит перед учеными, политиками и дипломатами все новые и все более сложные вопросы. Долгое время идут споры: движется ли мир к многополярности или он становится интегрированным, основанным на единых ценностях, интересах и институтах. После 11 сентября 2001 года мы пытаемся понять, является ли подъем международного терроризма следствием совпадения нескольких несвязанных друг с другом обстоятельств или это — проявление глобального конфликта между ответственными государствами и экстремистскими силами, накапливающимися, главным образом, в ряде районов «третьего мира». И если последнее справедливо, то каковы движущие силы этого конфликта и как можно нейтрализовать порождаемые им угрозы? Реальна ли, например, перспектива формирования коалиции государств, заинтересованных в стабильности и безопасности, или тактические разногласия между ними позволяют экстремистам достичь своих целей? Является ли демократизация адекватным инструментом предотвращения нарастания исламского радикализма или форсированное внедрение демократических институтов в обществах, не готовых к этому, только усугубит положение дел? Чудовищные террористические акты, происшедшие в России летом-осенью 2004 года, придают этим и другим вопросам, относящимся к международному терроризму, особую остроту.

Научный анализ возникших и возникающих проблем имеет не только академическое, но, прежде всего, практическое значение. Без ясного понимания ключевых механизмов функционирования глобальной системы в XXI веке, факторов и направлений ее эволюции невозможно выработать внешнюю политику, адекватную новым реальностям. Однако ясных и принятых всеми ответов на большинство из таких вопросов до сих пор нет. Возникшие проблемы являются объектами острых научных и политических дискуссий.

Это может быть следствием того, что мир вступает в такой этап своего развития, когда имеющиеся научные понятия и модели оказываются неспособными описать и объяснить возникающие реалии. Видимо, это побудило видного французского ученого Пьера Аснера утверждать:

«Мы находимся в периоде размытости: сейчас недостаточно сказать «государство», «суверенность», «политика», чтобы оживить эти реалии. Но другого принципа, который бы их заменил, тоже нет. Быть может, нам предстоит пережить периоды настоящей анархии, гражданской войны, и только потом родится нечто другое»¹.

Сложность, новизна и незавершенность процессов, формирующих облик наступающего мира, не исчерпывают всех причин идущих сегодня споров. В них, кроме того, отражаются различные мето-

---

¹ Пьер Аснер. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. — Санкт-Петербург: Всемирное слово. — 1999. — С. 331-332.

дологические установки и теоретические представления, а также, что еще важнее, экономические и политические интересы различных общественных групп, слоев и государств.

Глобализация и фрагментация современного мира

Констатация глубоких и ускоряющихся изменений в мировой политике после окончания «холодной войны» стала общепризнанным выводом многих научных разработок и политических документов. Совершается, как подчеркнул недавно Генри Киссинджер, замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую систему². Последняя, единодушно признают аналитики, является гораздо более сложной, динамичной, неустойчивой и намного менее предсказуемой, чем существовавшая в годы «холодной войны». В международных отношениях постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен, распадаются старые и появляются новые, подчас неожиданные взаимосвязи, возникают новые оси и узлы противоречий, меняются стратегические парадигмы. Формируется плотная транснациональная политическая и экономическая среда, в том числе усиливаются наднациональные структуры, механизмы и институты. Все чаще стирается грань между международной и внутренней политикой. Набирает инерцию имплементация норм международного права в национальные правовые системы.

Попытки осмысления нынешней фазы в эволюции мировой политики породили в прошлом десятилетии несколько конкурирующих концепций, претендующих на объяснение и прогнозирование происходящих перемен. В первой половине 1990-х годов всеобщее внимание привлекла теория «столкновения цивилизаций», предложенная Самуэлем Хантингтоном. Сегодня она переживает своеобразный ренессанс. С ее помощью пытаются объяснить мощный всплеск международного терроризма в начале XXI века. В России и некоторых других странах широкое распространение получила концепция «многополярного мира». В известной мере ей противостоят неолиберальные взгляды, предполагающие постепенное растворение национальных государств в «постнациональных» процессах и институтах. Одни исследователи с надеждой, другие — с острой тревогой говорят о гипотетическом становлении глобальной «либеральной империи» с центром в Соединенных Штатах. Наконец, в происходящих изменениях подчас видят глубокую, но хаотическую реструктуризацию мировой политики, в которой до сих пор не обозначились сколько-нибудь устойчивые тренды развития.

Чаще всего перемены, происходящие в мировой системе, объясняют глобализацией. Этот термин прочно вошел в современный по-

литический и научный лексикон. Глобализации посвящены тысячи книг, увидевших свет в последнее десятилетие. Многие российские и зарубежные исследователи справедливо отмечают, что глобализацию невозможно остановить, поскольку она порождается в основе своей глубокими необратимыми сдвигами в международном разделении труда и механизмах воспроизводства. Вместе с тем, единого понимания сути этого явления и его основных проявлений до сих пор нет. Скорее всего, речь идет о совокупности происходящих как параллельно, так и во взаимодействии друг с другом изменений, глубоко затрагивающих мировую экономику и политику. Одни из этих изменений проявились достаточно отчетливо, другие — только намечаются.

В частности, предметом дискуссий является вопрос о судьбе национального государства и роли национального суверенитета в условиях глобализации. Некоторые исследователи полагают, что уход в прошлое Вестфальской системы международных отношений, основанной на примате национального государства, абсолютном государственном суверенитете и *raison d'état*, автоматически — или, по крайней мере, полуавтоматически — влечет за собой отмирание национального государства и отказ от государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов³. Этот вывод представляется, по меньшей мере, преждевременным. Даже в Европе, где в рамках Европейского Союза формируются достаточно эффективные интеграционные институты, государства не отмирают и не спешат отказываться от своего суверенитета. Но в то же время наднациональные и транснациональные организации и институты играют все большую роль в мировой политике и экономике. Вместе с национальными государствами они образуют усложняющуюся систему действующих на международной арене субъектов, между которыми распределяются ответственность, властные полномочия и суверенитет.

Есть и другие стороны проблемы. Абсолютизация государственного суверенитета нередко используется, например, тираническими правящими кликами для предотвращения международного вмешательства в целях пресечения нарушений прав человека, массовых репрессий и геноцида. Вместе с тем, создание международных режимов, надежно предотвращающих распространение оружия массового уничтожения или позволяющих эффективно бороться с международным терроризмом, предполагает перераспределение суверенитета в пользу международных структур. Встает вопрос: как быть с государствами, которые, создавая оружие массового уничтожения, бросают вызов мировому сообществу, оправдывая свои действия интересами национальной безопасности? Возникла также и необходимость регулирования транснациональных процессов в мировой экономике. Это, однако, лишь отдельные примеры, иллюстрирующие более общую ситуацию. Ее суть в том, что обеспечение между-

---

³ *Raison d'état* — выдвинутый крупнейшим французским государственным деятелем кардиналом Ришелье принцип, суть которого в том, что интересы государства оправдывают средства, используемые для их достижения.

народной стабильности и безопасности в условиях начала XXI века предполагает создание эффективных, обладающих немалыми полномочиями международных организаций и определенное ограничение национального суверенитета, причем для различных государств такие ограничения неизбежно серьезно различаются. А это, в свою очередь, невозможно без существенной коррекции существующего международного права, в том числе некоторых его принципиальных основ.

«В последнее время, — подчеркнул президент В. Путин, — проявились и многие несовершенства в структуре международного права, а также ее внутренние противоречия, в которых, на мой взгляд, скрыт серьезный конфликтный потенциал.... Неадекватность этих механизмов может быть чревата серьезными последствиями. Я убежден, что если бы своевременно были заданы четкие работающие правовые механизмы для решения кризисных ситуаций, можно было бы находить гораздо более эффективные решения самых сложных мировых проблем. ... Мы хорошо понимаем, что мир стремительно меняется. И очевидно, что система международного права также должна развиваться и совершенствоваться, то есть соответствовать стремительно меняющемуся миру»⁴.

Таким образом, применительно к политической сфере международной жизни глобализация поставила ряд острых и сложных вопросов. Политики и ученые осознают эти вопросы и ищут на них ответы. Однако эти поиски пока далеки от выработки ясной и принятой мировым сообществом концепции.

В экономической же сфере глобализация обрела относительно более отчетливые и определенные черты. Как представляется, ее результатом — или, возможно, важнейшим проявлением — являются два основных процесса. Первый — формирование интегрированной, по сути дела, единой хозяйственной системы, охватывающей значительную часть современного мира, в центре которой находятся развитые демократические страны Запада. В рамках этой системы сложилась весьма динамичная экономическая среда, открытая для технологических инноваций и стимулирующая их. Второй — возникновение транснационального сектора мировой экономики, по сути дела, неподконтрольного правительствам и законодательным институтам отдельных государств. Он включает в себя сегодня не только мощные транснациональные корпорации с их разветвленными взаимосвязями и структурами, но и глобальные финансовые потоки, массивные перемещения людей и товаров, коммуникационные и информационные сети.

Глобализация экономики имеет противоречивые последствия. С одной стороны, стирая границы, она ускоряет технологический прогресс, экономическое и социальное развитие, способствует движению технологий, интеллектуальной собственности, информации и квалифицированной рабочей силы, их концентрации для реализа-

ции наиболее перспективных проектов. Жизнь дает все больше свидетельств того, что «включение в глобализацию» стало необходимым условием успешного национального развития, модернизации и повышения эффективности экономических и общественных структур. И наоборот, изоляция от глобальных процессов и институтов, даже частичная, неизбежно оборачивается падением конкурентоспособности, отставанием и, соответственно, оттеснением страны на периферию мировой системы. Это ставит все государства и общества перед все более жестким выбором: либо включиться в глобальные процессы и структуры, адаптироваться к новым условиям, либо обречь себя на отставание и стагнацию.

Но при этом появляется все больше свидетельств того, что глобализация — отнюдь не панацея, автоматически избавляющая человечество от бед и гарантирующая процветание. Наряду с очевидными позитивными результатами участия в глобализации, обозначились и ее негативные проявления. К их числу относятся, например, трудно контролируемое нарастающее перемещение населения из развивающихся стран в экономически развитые регионы. В частности, старение населения в Европе подталкивает массовую миграцию туда из исламских регионов Ближнего и Среднего Востока⁵. Это приводит к формированию нового феномена — крупных социально-этнических групп, находящихся, как правило, на нижних этажах общественной иерархии. Возникает, таким образом, очаг потенциально мощной социально-политической нестабильности и потрясений, поскольку дискриминированное экономическое положение накладывается на этнические и конфессиональные факторы и противоречия. Известны и другие опасные проявления глобализации: быстрое развитие транснациональных преступных и террористических сетей, широкое использование ими современных коммуникационных и информационных систем и так далее.

Но главное негативное последствие глобализации в том, что она усиливает и закрепляет экономические, технологические и культурные расколы современного мира. Суть в том, что успешное «включение в глобализацию» невозможно без утверждения в экономической и социальной жизни процедур, норм, институтов и механизмов, свойственных той части мира, где ее, то есть глобализации, позитивное влияние проявляется в наибольшей мере. Речь идет, прежде всего, о рыночной экономике, ориентированной на обеспечение конкурентоспособности и технологические инновации. С этой целью необходимо достижение баланса между социальной защитой граждан, с одной стороны, и стимулированием индивидуальной инициативы и экономической эффективности — с другой, утверждение демократического правового государства и обеспечение всего комплекса прав человека.

---

⁵ Так, по расчетам экспертов «Дейче банк», для того чтобы поддерживать нынешнее соотношение молодых и старших возрастных групп, Германия должна ежегодно вплоть до 2050 года принимать 3,4 миллиона иммигрантов, тогда как сейчас в страну прибывает в год 200 тысяч иммигрантов. См.: «Foreign Policy». — November/December 2003. — P. 18.

Однако такая модернизация весьма сложна. В развитых странах Запада ее осуществление заняло целый исторический период. В одних странах он растянулся на столетия, в других — на десятилетия. Но общества, приступающие сегодня к решению соответствующих задач, не имеют в своем распоряжении такого времени. Необходимо не только форсированно утвердить новые нормы, институты и процедуры в политической и экономической жизни, что само по себе весьма трудно, но и преодолеть сопротивление слоев и групп, которые в результате модернизации теряют свой общественный статус или оказываются экономически несостоятельными, вытесняются на обочину социальной системы. В итоге, многие страны и общественные группы не могут в обозримое время стать полноценными участниками глобальных процессов и институтов.

Это неизбежно приводит к расширению разрыва между теми обществами, которые оказались способными адаптироваться к новой экономической и технологической среде, и теми, которые не способны преодолеть традиционные, а также модернизировать социальные и политические институты. При этом, как отмечают многие видные специалисты, линия разрыва проходит как между различными странами, так и внутри них. Возникает новый устойчивый узел не только экономических, но и — что весьма важно — острых политических и идеологических противоречий, не поддающихся быстрому разрешению и способных дестабилизировать и международную, и во многих случаях внутривнутриполитическую ситуацию. Положение дел достаточно точно охарактеризовал Генри Киссинджер.

«Глобализированный рынок открывает возможность создания невиданных прежде богатств. В то же время он порождает новые возможности для политической нестабильности и опасность новой пропасти, разделяющей не столько богатых и бедных, сколько тех, кто в каждом конкретном обществе принадлежит к глобализированному, объединенному Интернетом миру, и тех, кто остается за его рамками. ... В развивающихся странах это порождает искушение с политических позиций подвергать сомнению саму идею глобализации. ... В таких условиях нападки на глобализацию могут развиваться в новый вид идеологического радикализма, особенно в странах, где правящая элита узка, а пропасть между богатыми и бедными широка и продолжает расти. Существует реальная опасность возникновения во всемирном масштабе устойчивого низшего класса»⁶.

Разрыв между обществами и социальными группами, способными и неспособными адаптироваться к глобализации, лишь одно из проявлений сохраняющейся и нередко усиливающейся фрагментации современного мира. Последняя, в сочетании с глобализацией, во многом определяет специфику, в том числе конфликтность, складывающейся на международной арене ситуации.

Глобализация не привела и, видимо, не приведет в обозримое время к тому, что мир станет гомогенным. На деле, складывающаяся

⁶ Генри Киссинджер. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир». — 2002. — С. 256-257, 258.

картина мировой политики крайне сложна. На одном ее полюсе находится группа развитых демократических государств, являющаяся средоточием экономической, технологической и военной мощи. Они объединены общностью основополагающих ценностей и социально-политических институтов, углубляющимся взаимным проникновением и переплетением хозяйственных систем, развитой системой военных и военно-политических структур, основу которой составляют НАТО и японо-американский «договор безопасности». Эти факторы обуславливают в данной группе государств высокий уровень солидарности. В частности, несмотря на кризис в трансатлантических отношениях, связанный с войной в Ираке, сохранилось военно-политическое единство Европы и США. Более того, эта группа государств постепенно расширяется, включая в себя страны, в которых успешно реализуются модернизационные процессы. Так, недавно членами Европейского Союза и НАТО стал ряд государств Центральной и Восточной Европы.

На другом полюсе мировой системы находится несколько десятков наименее развитых стран Африки и Азии, в том числе относящиеся к так называемым «рухнувшим государствам», неспособным обеспечить элементарный правопорядок, предоставить своим гражданам минимальный уровень безопасности, социальной защиты и благосостояния. Многие из них находятся в состоянии перманентной внутренней нестабильности, конфликтов и даже гражданских войн. По сути дела, эти страны, в которых проживает существенная часть населения планеты, исключены из процессов глобализации. Нет оснований ожидать, что в обозримое время они смогут преодолеть отсталость и приступить к социально-экономической модернизации.

Между этими двумя полюсами находится многообразная и подвижная, постоянно меняющаяся совокупность государств, находящихся на разных ступенях социально-экономического развития. Некоторые из них, как, например, Аргентина и Бразилия, по многим показателям вплотную приближаются группе развитых государств. В процессы экономической, политической и культурной модернизации втягиваются все новые общества и социальные группы. Увеличивается число государств, выбирающих демократический тип политического устройства. Другие страны находятся на начальном этапе экономической и социально-политической модернизации. Особое место в современной международной системе занимают две страны — Россия и Китай. Они обладают огромным потенциалом и одновременно сталкиваются с серьезными проблемами, без решения которых невозможно выйти на передовой уровень мировой системы.

Разрывы в уровнях экономического развития дополняются культурными и цивилизационными различиями. Сегодня мировая система включает в себя не только государства с различными режимами

и типами экономического и государственного устройства, но и различные культуры и цивилизации, системы ценностей и идеологии. По словам бывшего президента Чехии Вацлава Гавела,

«По сути, свежий покров всемирной цивилизации едва скрывает находящееся под ним богатое разнообразие культур, народов, религиозных миров, традиций и исторически сформировавшихся подходов — всего того, что в определенной степени камуфлируется им». Становление новой цивилизации, отметил Гавел, сопровождается появлением новых формы сопротивления и борьбы, а также требованиями сохранить «право поклоняться ... древним богам и следовать старым священным пророчествам»⁷.

Новые угрозы

И в России, и в развитых странах Запада сложилось практически единодушное представление о том, что после прекращения «холодной войны», существуют три основных группы угроз национальной и международной безопасности. К ним относятся: международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и рост транснациональной преступности, в первую очередь производство наркотиков и торговля ими, а также незаконная торговля оружием, людьми и так далее. При этом особую тревогу вызывает перспектива обретения оружия массового уничтожения террористическими группировками. Недавние разоблачения преступной деятельности бывшего руководителя пакистанской ядерной программы Абдул-Керим Хана свидетельствуют, что была создана нелегальная международная сеть поставки ядерных технологий из Пакистана в Ливию, Иран и Северную Корею. Имеются немало признаков, подтверждающих попытки исламских террористических групп, прежде всего аль-Каиды, получить в свое распоряжение ядерное оружие.

Эти угрозы обостряются вследствие появления «рухнувших» государств, а также образования в последнее десятилетие нескольких неподконтрольных легитимным национальным правительствам «серых» зон и районов. В некоторых из них возникли своего рода непризнанные, нелегитимные государства или квазигосударственные образования, другие — просто находятся под контролем преступных группировок. Последние заняты чаще всего наиболее опасными криминальными промыслами — наркобизнесом, торговлей оружием, отмыванием денег и незаконным перемещением людей; там нередко находят убежище международные террористические организации. Благоприятную почву для зарождения и роста террористических и иных преступных группировок создают также локальные и региональные конфликты. В зонах этих конфликтов чаще всего и возникают неподконтрольные законным властям анклавов. В них особенно актив-

⁷ Václav Havel. A Conscience Slumbers in Us All: Commencement Speech at Harvard University. — June 1995. Цитировано по: Сейла Бенхабиб. Притязания культуры. — М.: Логос. — 2003. — С. XLIX.

но действуют террористические группы, накапливаются экстремистские настроения и движения.

Широкое осознание перечисленных выше угроз, вызовов и опасностей не сопровождается до сих пор выработкой единых представлений о порождающих их причинах, способах и стратегиях борьбы с ними. Расходятся, в частности, представления о том, в какой мере эти угрозы и опасности связаны друг с другом и не является ли их обострение следствием — или проявлением — нескольких фундаментальных особенностей нынешнего этапа развития мира.

Так, многие аналитики и политические деятели склонны объяснять подъем исламского фундаментализма, перерастающего в терроризм, главным образом неурегулированностью конфликта между арабскими странами и Израилем. Если такая точка зрения справедлива, то разрешение этого конфликта должно практически автоматически устранить причины исламского терроризма и привести к его затуханию. Стремление Ирана обрести ядерное оружие нередко связывают с наличием ядерного оружия у Израиля и Пакистана, а ядерный кризис на Корейском полуострове — с реальным или воображаемым усилением американской военной угрозы Северной Корее после прихода к власти в США в 2001 году администрации Дж. Буша. Примеры такого рода можно было бы продолжать и далее. Если руководствоваться этой логикой, то нейтрализация большинства угроз и вызовов международной и национальной безопасности может быть в основном достигнута в результате политического урегулирования нескольких региональных конфликтных ситуаций.

Разумеется, нельзя не замечать взаимосвязи между угрозами, типичными для начала XXI века, и региональными конфликтами. Например, лозунг борьбы с Израилем является мощным инструментом, который используется экстремистскими кругами исламского мира для мобилизации масс и привлечения их на свою сторону. Распространение оружия массового уничтожения имеет место, прежде всего, в регионах, отличающихся высоким уровнем конфликтности. Там же, как уже говорилось, создается благоприятная обстановка для деятельности экстремистских и террористических движений.

Вместе с тем, невозможно игнорировать несколько факторов глобального масштаба, которые придают названным выше угрозам и вызовам новый, гораздо более опасный масштаб, в известной мере меняют их социальную природу. Широкое распространение получило, в частности, представление о том, что накопление нищеты и отсталости в ряде районов третьего мира и отсутствие реальных перспектив их преодоления в обозримый исторический период порождают и будут порождать конфликт по линии «Север-Юг». Иными словами, предполагается, что наличие огромных масс неимущего населения, дискриминированного по отношению к жителям развитых регионов мира, выливается в новое глобальное противоборство, своего рода «глобальную гражданскую войну» имущих и неимущих.

К сожалению, в этих взглядах немало справедливого. Массовая нищета в ряде районов Азии, Африки и Латинской Америки действи-

тельно оказывает серьезное дестабилизирующее воздействие на мировую политику. В частности, многие террористические, левацкие и иные радикальные деструктивные силы и движения охотно спекулируют на сложившейся ситуации и используют лозунг борьбы с «эксплуатацией народов третьего мира» для раскачивания политической и экономической ситуации в зонах своей деятельности. Отсутствие реальных перспектив улучшения положения стимулирует миграцию населения из «третьего мира» в развитые регионы, расширяет за счет молодых поколений социальную и политическую базу экстремистских движений и организаций.

Вместе с тем, нищета и отсталость в «третьем мире» — лишь один из факторов глобальной нестабильности. Нельзя не заметить при этом, что наиболее пораженные нищетой регионы, например, Тропическая Африка, за отдельными исключениями, оказывают сравнительно небольшое воздействие на мировую политику. Страны этого и некоторых других подобных регионов, по сути дела, находятся «вне глобализации», а социальная модернизация там практически не начата. Раздирающие их гражданские и межплеменные войны, выливающиеся порой в геноцид тех или иных этнических или религиозных групп, не перерастают в международный терроризм и мало связаны с процессами, определяющими сегодня основное содержание мировой политики.

Однако особое значение в начале XXI века приобрела группа развивающихся стран, достаточно глубоко вовлеченных в мировую экономику и политику и в основном расположенная географически вблизи развитой части Евразии. Речь идет о поясе исламских государств, протянувшемся от Северной Африки до Юго-Восточной Азии. Эти страны оказались в своеобразной «ловушке модернизации». С одной стороны, в них начались, в одних уже сравнительно давно, в других — недавно, процессы модернизации социальных и правовых норм, политических институтов и процедур, вообще, всей системы социальных отношений. Это необходимое условие развития и преодоления отсталости. С другой — модернизация неизбежно снижает статус и, более того, подрывает сами основы существования социальных слоев и групп, связанных с традиционными секторами экономики и общественными институтами. Естественно, со стороны этих групп, в том числе традиционных элит, возникает сопротивление модернизации. Идеологической основой неприятия нынешнего положения вещей становятся идеализация прошлого, представление о социальных изменениях как о моральной деградации, а также, что особенно важно, фундаменталистский вариант ислама, включающий в себя идею «священной войны» против всех, кто придерживается иных взглядов. Ситуация усугубляется высокими темпами изменений, что еще более затрудняет адаптацию к ним.

«Жизнь в глобализованном мире неопределенности, гибридности, текучести и спорности, — писала в этой связи профессор Йельского университета Сейла Бенхабиб, — представляет наибольшую сложность для фундаменталистов, исповедующих негативистский

подход. Не будучи в состоянии идти на ежедневные компромиссы, которых требует в современном мире даже твердое следование своему религиозному верованию, такие группы объявляют войну глобальной цивилизации или растрачивают себя в актах апокалипсического рвения; часто они занимаются и тем и другим одновременно. Но поиски «чистоты» — будь то мечтания нацистов прошлого века о расовой чистоте или современные мечты о «подлинном исламе» — обречены на поражение, хотя и не ранее, чем они принесут множество бед и человеческих страданий, нестабильность и страх»⁸.

Положение осложняется демографической структурой «третьего мира», в которой преобладают молодые возрастные группы. Многие молодые люди, в том числе получившие образование, не могут найти занятие, соответствующее их социальным ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. Последние являются средой, в которой экстремистские движения, за которыми подчас стоят традиционные элиты, вербуют сторонников, в том числе исполнителей террористических актов. В этой среде активно действуют связанные в транснациональные сети организации, представляющие собой своего рода «тыловой эшелон» современного терроризма и формирующие его агрессивную идеологическую доктрину.

В рамках этой доктрины развитый мир в целом и, особенно, лидирующие в нем страны воспринимаются как средоточие зла и угрозы, как источник насилия, разрушающего привычные установления и условия жизни. Противодействие ему объявляется священным долгом, а силовые акции, в том числе террористические, — оправданным, а в ряде случаев и единственным средством борьбы. Суть в том, что террористические удары способны деморализовать развитые страны, весьма уязвимые и в технологическом, и в психологическом отношении. Они, как предполагается, могут компенсировать военную слабость экстремистских режимов и государств, вооруженные силы которых несопоставимы с вооруженными силами США и других технологически развитых стран. Огромный разрыв в военной мощи стимулирует также распространение оружия массового уничтожения, которое способно в ряде ситуаций нейтрализовать военное превосходство противной стороны. Это — крайне опасная перспектива. В результате возрастает вероятность применения ядерного оружия как в региональных конфликтах, так и в рамках террористических акций.

Подъем исламского терроризма в начале XXI века имеет и другую сторону. Как и их исторические предшественники левого толка, вожди нынешних исламских экстремистских организаций используют террор как доказательство своей несокрушимой силы и, что еще важнее, как средство мобилизации сторонников и рекрутирования новых приверженцев. Видный французский исследователь исламизма Жиль Кепель справедливо писал:

«Переход к насилию как способу мобилизации сторонников отнюдь не нов для радикальных организаций, и в этом отношении исламис-

⁸ Сейла Бенхабиб. Притязания культуры. — М.: Логос. — 2003. — С.222.

ты не являются первооткрывателями. Дважды десятилетиями ранее, когда коммунистическая идеология начала утрачивать свою привлекательность ... возникли итальянские «Красные бригады», немецкая «Фракция Красной Армии» и организация Карлоса. Для этих формирований терроризм представлял идеальное средство нанести противнику ощутимый урон. Вдохновители массового террора надеялись таким образом пробудить революционную сознательность масс, привлечь их на свою сторону с помощью известного механизма «провокация — революция»⁹.

В итоге терроризм становится фактором глобального масштаба. В последние годы объектами жестоких террористических атак со стороны воинствующих радикальных исламистов стали США, Израиль, ряд европейских государств и Индия. Настоящая террористическая война объявлена России. Жертвами террористов являются также многие государства самого мусульманского мира. Не застрахован от этого бедствия Китай. Синцзян-Уйгурский автономный район Китая стал зоной действия исламских террористов, имеющих тесные связи с единомышленниками в государствах Центральной Азии, а, возможно, и в глобальном масштабе.

Но главное в другом. Активные боевые террористические организации и сети — лишь своего рода «верхушка айсберга». Его основную массу составляют многочисленные идеологические структуры и финансовые организации, за которыми стоят традиционные элиты ряда исламских стран. Складывается система координации действий исламских и левацких террористических движений. Возник своего рода «террористический интернационал», организованный сетевым образом. В свою очередь, военная машина и правоохранные ведомства развитых стран не приспособлены пока для борьбы с многочисленными, рассредоточенными, организованными на этноконфессиональной основе, религиозно мотивированными диверсионными сетями и группами. Неспособность отдельных государств и международного сообщества в целом предотвратить дальнейшее распространение оружия массового поражения и справиться с международным терроризмом может иметь весьма тяжелые последствия.

Если в ближайшие годы не удастся остановить нарастание терроризма, то правительства государств, ставших его жертвой, и международные институты, в том числе ООН, продемонстрируют свою беспомощность. А это чревато политической неустойчивостью. Бессилие власти позволит экстремистским группировкам стать центром притяжения антисистемных движений, расшатать демократические механизмы, вызвать столкновения и гражданские конфликты. Собственно, это и является целью современного международного терроризма, рассчитывающего на волне хаоса и насилия остановить неизбежные процессы модернизации и глобализации, создать некий «всемирный халифат».

⁹ Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир». — 2004. — С.9.

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты; нищета и отсталость, поразившие обширные регионы; неизбежные издержки глобализации и модернизации; массовые миграции населения; подъем экстремистских движений; распространение оружия массового уничтожения определяют нестабильность мировой политики. Но это – не единственные проявления угроз, с которыми сталкивается современное человечество. Беспокойство вызывают также неясные и потенциально опасные последствия научно-технического прогресса, особенно когда речь идет об исследованиях в области биотехнологий и искусственного интеллекта. Нельзя исключать, что темпы технологических и экономических изменений превысят способность общества адаптироваться к ним.

Источником угроз становится также политический, культурный и экономический плюрализм современного мира. Действительно, различные системы ценностей и политические культуры далеко не всегда мирно сосуществуют друг с другом. Напротив, история международных отношений, в том числе история XX века дает немало примеров того, как конфликты несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а последние часто перерастали в вооруженные столкновения и войны. Собственно, и вторая мировая война, и последовавшая за ней «холодная война», постоянно выливавшаяся в многочисленные локальные войны в периферийных районах биполярной международной системы, были порождены в основе своей столкновением принципиально несовместимых идеологий, антагонистических ценностей и общественных систем. И поэтому, стянутая в единое целое узами глобализации комбинация традиционных обществ и обществ, которые входят, по сути дела, в постмодернистский период развития, обладает мощным дестабилизирующим потенциалом.

В целом же, многие исследователи приходят к выводу о том, что первые десятилетия XXI века будут периодом тяжелого кризиса, конечный итог которого непредсказуем. Впереди видится длительный, растягивающийся, возможно, на десятки лет переходный период. Так, видный американский социолог Иммануэль Валлерстайн писал:

«... Современная миро-система как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет. Однако, поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем – это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик»¹⁰.

¹⁰ Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М.: Логос. – 2003. – С. 5-6.

«Коалиция заинтересованных» в стабильности и безопасности

Способность человеческого общества противостоять новым угрозам, а в более широком плане – минимизировать издержки кризисов и потрясений, о которых предупреждают ученые, во многом зависит от того, сложится ли эффективная коалиция ответственных и обладающих необходимым потенциалом государств, заинтересованных в стабильности и безопасности. Зачатком такой коалиции, возможно, станет «большая восьмерка», особенно, если к ней в перспективе присоединится Китай. Нельзя исключать, что будет создан иной международный институт, позволяющий искать совместные решения и координировать действия ведущих мировых держав. Быть может, им, в конечном итоге, станет Организация Объединенных Наций, если она преодолет поразивший ее после «холодной войны» тяжелый кризис. Важно другое. Эффективность любого международного института зависит в первую очередь от того, насколько совпадающие или параллельные интересы его участников доминируют над расходящимися интересами. И самое главное – успех в противодействии новым угрозам и вызовам зависит от того, насколько адекватно осознаются эти угрозы и порождающие их причины правящими кругами ведущих государств мира.

Особое значение сегодня и в обозримой перспективе имеет политика Соединенных Штатов Америки. Действительно, США являются наиболее мощным средоточием экономической мощи современного мира. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, подготовленные группой видных российских специалистов¹¹.

	Доля в мировом ВВП (2003 год, проценты)	ВВП на душу населения (тысяч долларов США)
США	21,3	38,0
Европейский Союз	18,4	24,8
Китай	11,8	5,0
Япония	6,6	26,4
Индия	6,4	3,2
Бразилия	2,5	7,1
Россия	2,2	8,1

¹¹ Россия и мир: 2004. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – Фонд перспективных исследований и инициатив. Руководители проекта А. Дынкин и В. Барановский. – М., 2003. – С. 9. (Расчеты в ценах и по паритету покупательной способности 2001 года. Данные по ЕС приводятся без учета его расширения в 2004 году. Применение расчетов по ППС для Китая вызывает сомнения, поскольку не учитывает принципиальные особенности китайской экономики и социальной структуры).

Экономическая и технологическая мощь предопределяет особую военную роль США. Это единственная страна, способная проецировать военную силу в глобальных масштабах и осуществить весь комплекс мер по модернизации вооруженных сил на основе внедрения достижений научно-технического прогресса. Быстрый, вопреки прогнозам большинства экспертов, разгром армии Саддама Хусейна весной 2003 года стал весомым подтверждением высокого уровня боевой мощи американских вооруженных сил.

Во многом доминирующее место США в глобальном военно-политическом ландшафте обусловлено величиной оборонного бюджета. Доля США в мировых расходах на военные цели составляет около 40 процентов¹².

	Доля в мировых военных расходах (2002 год, проценты)
США	39,11
Европейские члены НАТО	22,02
Китай	5,74
Россия	5,69
Япония	4,39
Индия	1,55
Бразилия	1,14

Военная мощь США предельно остро ставит вопросы о том, в каких целях она применяется и будет применяться; в какой мере соответствующие решения Вашингтона соотносятся с мнением их союзников и партнеров, линией международных организаций, в том числе ООН. Стратегия Соединенных Штатов, нашедшая свое выражение в войне в Ираке, вызвала серьезное беспокойство в ряде стран, спровоцировала кризис в трансатлантическом сообществе. Осложнились, хотя и не надолго, российско-американские отношения. Широкое распространение получило представление о США как о стране, пренебрегающей международным правом и мнением других государств, готовой применять военную силу по любому поводу и без повода, провоцируя тем самым конфликты и напряженность. Американская политика получила название «односторонней», что противопоставляется «многостороннему» подходу, основанному на консультациях, совместном анализе и учете мнения международного сообщества. Нередко делается вывод о том, что обозначившаяся в последние годы стратегия США является источником глобальной нестабильности, перечеркивает перспективы совместных действий в целях нейтрализации новых угроз и вызовов.

¹² The Military Balance 2003-2004. — International Institute for Strategic studies. — Oxford University Press, 2003. — P. 335-337, 340.

Вопросы, возникающие в связи с линией США на мировой арене, действительно, весьма актуальны и далеко не просты. И потому, при поисках ответов на них важно избежать упрощенных оценок, отражающих не только положение дел в международной политике, но и интересы тех или иных социальных групп и государств. Нельзя не учитывать при этом, что ни одно из государств, в том числе США, не имеет сегодня готовых ответов на возникшие вызовы и, следовательно, их политика может и будет корректироваться в зависимости от того, насколько она эффективна и в какой мере отвечает сложившейся международной ситуации. Видимо, прав Генри Киссинджер, подчеркнувший:

«...Ни одна из ведущих стран, которым предстоит строить новый мировой порядок (а, следовательно, и США – Авт.), не имеет ни малейшего опыта существования в рамках нарождающейся многогосударственной системы. Никогда прежде новый мировой порядок не создавался на базе столь многообразных представлений, в столь глобальном масштабе»¹³.

Нынешняя стратегия США складывается во многом под воздействием трагических событий 11 сентября 2001 года, которые высветили уязвимость американского общества, его слабую защищенность от террористических посягательств. Политический класс и общественное мнение США увидели – и совершенно справедливо – в террористических сетях и поддерживающих их режимах основную угрозу национальной безопасности, требующую немедленного и решительного противодействия. Не меньшее беспокойство вызывают в США распространение оружия массового поражения и негативные последствия локальных конфликтов. Особую и вполне обоснованную тревогу порождает перспектива попадания оружия массового уничтожения в руки террористических групп, ставящих своей целью борьбу с Соединенными Штатами Америки как главным «мотором» нарастающей глобализации.

Американское руководство ясно заявило, что будет принимать все необходимые меры для обеспечения безопасности страны, независимо от позиции ООН или иных международных организаций, в число которых попала и НАТО. При этом, республиканская администрация США скептически относится к возможности преодоления новых угроз, прежде всего международного терроризма, политическим путем, считает необходимым использование силовых инструментов, в том числе в превентивном плане. В доктринальном документе «Стратегия национальной безопасности США», утвержденном президентом Дж. Бушем в сентябре 2002 года, прямо говорится:

«Нашим первым приоритетом является разрушение и уничтожение террористических организаций глобального масштаба, нанесение ударов по их центрам связи, командования и управления, по их сетям

снабжения и финансирования. ... Защищая Соединенные Штаты, американский народ, наши интересы внутри страны и за ее границами, мы будем определять и уничтожать угрозу прежде, чем она достигнет наших границ. Соединенные Штаты будут постоянно стремиться получать поддержку международного сообщества, но, если необходимо, мы будем действовать в одиночку, реализуя наше право на самооборону путем преземптивных акций против террористов, чтобы предотвратить вред, который они могут нанести нашему народу и нашей стране»¹⁴.

Такая позиция нередко воспринимается как «высокомерие силы» и пренебрежение мнением международного сообщества. Однако можно задать вопрос: какое государство, в том числе Франция, Германия, Россия или Китай, готово поставить решение ключевых вопросов своей безопасности в зависимость от позиции ООН, иной международной организации или своих союзников? Другой не менее закономерный вопрос: какая страна откажется от использования военной силы для обеспечения собственной безопасности (если, конечно, она такой силой обладает) в случае, когда иные механизмы становятся малоэффективными? Наконец, если отказаться от превентивных мер в борьбе против терроризма и распространения оружия массового уничтожения, в том числе мер силовых, то международное сообщество окажется обреченным только на ответные действия. Это чревато потерей все большего количества человеческих жизней и утратой инициативы, необходимой для разгрома террористических сетей.

Но есть и другая сторона проблемы. Американские представления о путях и способах обеспечении национальной безопасности в каждом конкретном случае могут отличаться — и по ряду позиций отличаются — от представлений, свойственных ведущим европейским государствам, России, Китаю и другим ключевым силам современного мира. Это предопределяет необходимость гармонизации стратегических установок этих государств, имея в виду жизненную необходимость совместного противостояния угрозам, типичным для начала XXI века.

Возможность и, не исключено, неизбежность такой гармонизации обусловлена тем, что применение военной силы, даже самое эффективное, не в состоянии полностью обеспечить международную или национальную безопасность. Об этом, в частности, свидетельствует обстановка в Ираке. Военная победа американо-британской коалиции не привела там к политической стабильности. Ирак стал центром притяжения экстремистских и террористических движений. Но еще более важно, что вооруженные силы играют ограниченную роль в подавлении террористических сетей, значительная часть которых развернута за пределами исламского мира. Борьба с ними — задача, прежде всего, разведывательных и полицейских служб, а трансграничный характер террористичес-

¹⁴ The National Security Strategy of the United States of America. — September 2002. — P. 5,6.

ких структур делает необходимым сотрудничество специальных служб развитых государств. В свете этого огромная военная мощь Соединенных Штатов сама по себе не предопределяет их роль в борьбе с терроризмом. Как писал видный французский аналитик Франсуа Эйсбур,

«Главную роль (в борьбе с терроризмом — Авт.) будут играть повседневная разведывательная деятельность, точечные операции немногочисленных групп специального назначения, полицейские операции и финансовые контрмеры. Не менее важную роль в долгосрочной перспективе будет играть «осушение болота» — использование политических, экономических и социальных инструментов для сокращения вербовочной базы террористических движений. И тот факт, что США тратят 380 миллиардов долларов в 2003 году на оборону, не является показателем подлинной эффективности в противодействии терроризму, сколь бы желательным сам по себе такой уровень военных расходов не был бы»¹⁵.

Наконец, развитие событий в последние годы свидетельствует о наличии обстоятельств, ограничивающих применение Соединенными Штатами своих вооруженных сил. В частности, даже наиболее жесткие деятели республиканской администрации не готовы к военным акциям против Северной Кореи, бросившей беспрецедентный вызов международному сообществу и вплотную приблизившейся к созданию ядерного оружия. Война в Ираке вызвала раскол в американском политическом классе, ослабивший позиции администрации Дж. Буша на международной арене.

Таким образом, успешно противостоять исламскому терроризму и другим угрозам, типичным для первых десятилетий XXI века, в одиночку Америка не может. Это создает предпосылки для конструктивного участия США в коалиции государств, заинтересованных в стабильности и безопасности, что, соответственно, требует от США учитывать мнение и интересы партнеров. Об этом, по пути дела, прямо говорит один из патриархов американской науки о международных отношениях Збигнев Бжезинский:

«Хотя Америка и занимает лидирующее положение в мире, она не всемогуща... Как показывает успешный опыт создания евроатлантического сообщества, нельзя разделить бремя ответственности, не участвуя при этом в принятии решений. Если Америка станет действовать в одиночку, ей грозит опасность увязнуть в песках собственной гегемонии; она избежит этого, только разработав всеобъемлющую стратегию взаимодействия со своими основными партнерами»¹⁶.

Но и партнеры США вряд ли могут рассчитывать на конструктивное отношение к их взглядам, представлениям и интересам, если будут занимать жестко оппозиционную линию в связи с теми дей-

¹⁵ François Heisbourg. How the West Could be Won. — Survival. — Vol. 44. — N 4. — Winter 2002–03. — P. 152.

¹⁶ Збигнев Бжезинский. Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. — Том 2. — № 2. — Март-апрель 2004. — С. 194.

ствиями США, которые рассматриваются в Вашингтоне как принципиально важные для обеспечения безопасности Америки.

В этой связи серьезное внимание, особенно после войны в Ираке, привлекает перспектива трансатлантических отношений. Распад трансатлантического единства имел бы самые негативные последствия для формирования эффективной коалиции, противостоящей терроризму и экстремизму. Кризис, возникший в отношениях США и ряда европейских государств в первой половине 2003 года, привел некоторых аналитиков к выводу о распаде военно-политического единства Запада. Казалось, сбывается предположение о становлении Европы в качестве самостоятельного и во многом оппозиционного США «центра силы». Однако эти прогнозы и ожидания не подтвердились. НАТО по-прежнему остается ключевым инструментом в обеспечении совместной обороны и безопасности развитых демократий евроатлантического региона, постепенно обретает новые возможности противодействия терроризму в районах, расположенных вблизи государств Европейского Союза.

Это обусловлено углубляющейся взаимозависимостью Северной Америки и Европы, а также общностью представлений об угрозах безопасности. Так, в принятой в декабре 2003 года Европейским Союзом стратегии безопасности констатируется, что крупномасштабная агрессия против какого-либо из государств-членов Европейского Союза невероятна. Вместе с тем, там со всей определенностью говорится, что Европа сталкивается с *«новыми угрозами, носящими более диверсифицированный, менее явный и менее предсказуемый характер»*¹⁷. К ним отнесены терроризм, распространение оружия массового поражения, региональные конфликты, развал государственных институтов и организованная преступность. В этом документе подчеркивается:

*«Если суммировать все эти различные элементы – терроризм в сочетании с беспредельным насилием, возможность обладания оружием массового поражения, организованная преступность, ослабление государственных систем и приватизация насилия – вполне вероятно, что мы действительно можем столкнуться с весьма радикальной угрозой»*¹⁸.

По сути дела, такое видение угроз полностью идентично американскому их восприятию, что обуславливает сохранение трансатлантического военно-политического единства. Последнее порождается также зависимостью Европы от США в военной области. Большинство европейских государств не способны осуществить крупные операции за пределами континента. Создание объединенных европейских вооруженных сил идет медленно. Военные расходы европейских государств существенно отстают от американских, особенно в финансировании военных НИОКР, что предопределяет отставание в

¹⁷ Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности. – Документ 15895/03. – RUEN. – С. 7.

¹⁸ Там же. – С. 9.

высокоточном вооружении, системах связи, разведки, целеуказания и других вооружениях, определяющих эффективность использования вооруженных сил¹⁹.

Разрушение трансатлантического военно-политического единства привело бы европейцев либо к необходимости резко увеличить расходы на военные цели, либо обречь себя на все более заметное отставание от США в военной области. При этом неспособность европейских государств, за исключением Франции и Великобритании, к ведению серьезных боевых действий вне континента существенно снижает их возможность самостоятельно нейтрализовать военными средствами угрозы, накапливающиеся в регионах к югу от Европы.

Вместе с тем, военное отставание Европы от США предопределяет заинтересованность европейского истеблишмента в политических методах урегулирования конфликтных ситуаций и нейтрализации угроз. И это понятно. Ориентация на использование военной силы неизбежно ведет к усилению влияния США как наиболее мощной в военном плане страны современного мира. Сохраняются и другие источники разногласий между США и европейскими странами относительно путей обеспечения международной безопасности. Определенную роль в этом играют антиамериканские настроения части европейского общественного мнения. Нельзя игнорировать различия в стратегических культурах, типичных для Европы и для США. Для европейской политической культуры, сформировавшейся в последней половине XX века, характерно тяготение к политическим соглашениям и компромиссам, «умиротворению» режимов, являющихся источниками угрозы. Военная сила, полагают многие европейские политические деятели и аналитики, не устраняет угрозы, порожденные ростом экстремизма в исламском мире. Последний, считают они, может быть предотвращен экономической помощью, искоренением бедности и утверждением социальной справедливости.

При всей своей значимости расхождения стратегических культур не привели, даже в условиях трансатлантического кризиса, вызванного войной в Ираке, к распаду военно-политических связей США и европейских государств. И это, как представляется, связано с тем, что указанные расхождения относятся не к базовым ценностям, но к средствам их реализации. В итоге, не только сохраняется возможность трансатлантического сотрудничества в сфере международной безопасности, но возникает перспектива разумного «разделения ответственности» между США и европейскими государствами.

Растущую роль в формирующемся глобальном военно-политическом ландшафте XXI века играет Китай. Это объясняется и его ог-

---

¹⁹ Так, на протяжении многих лет США ежегодно вкладывают в военные НИОКР около 12 миллиардов долларов ежегодно. Другие страны НАТО в совокупности тратят на эти цели около 3 миллиардов долларов в год См.: Donald C. Daniel. NATO Technology: From Gap to Divergence. — Defense Horizons. — Center for Technology and National Security Policy. — National Defense University. — July 2004. — P. 2-3.

ромным демографическим весом, и быстро растущей экономикой, и ключевым местом в геополитической структуре Азиатско-Тихоокеанского региона. Бесспорно, конструктивное участие Китая в противодействии международному терроризму и распространению оружия массового поражения стало бы важным фактором успеха в упрочении стабильности и безопасности на мировой арене. Китай, как и многие другие ведущие страны современного мира, стал объектом действий исламских террористических организаций, которые дестабилизируют политическую ситуацию, прежде всего в Синьцзяне. В силу этого, в последние годы Китай все более активно участвует в антитеррористической деятельности в Центральной Азии. Менее ясным является подход Китая к вопросам нераспространения оружия массового уничтожения. Но, главное, все же — в другом. Внешняя и военная политика Китая складывается под влиянием разнонаправленных факторов.

Китай, бесспорно, заинтересован в обеспечении внешних условий, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста, модернизации народного хозяйства и армии. Развитые западные страны, прежде всего США, являются главным источником инвестиций, достигающих с конца прошлого десятилетия пятидесяти миллиардов долларов в год, а также передовых технологий. Эти же страны являются главными рынками быстро растущего китайского экспорта. Китай все более активно, последовательно и целенаправленно «включается в глобализацию», становится влиятельной силой, действующей в мировой экономике. Это предопределяет прагматическое начало в его внешнеполитической стратегии.

Вместе с тем, имеется немало признаков того, что линия Китая на мировой арене по-прежнему складывается под влиянием концепций и взглядов, сформировавшихся в период правления Мао Цзэдуна, а также выработанных на протяжении нескольких тысячелетий существования страны в качестве могущественной азиатской империи. Сочетание традиционных имперских умонастроений с непреодоленной коммунистической идеологией обуславливает великодержавные элементы китайской стратегии. Последняя, в частности, находит свое выражение в стремлении к региональному доминированию.

Противоречивый характер внешней политике Китая связан также со спецификой внутреннего развития страны. Формирование рыночной экономики привело к появлению многочисленных групп, заинтересованных в широком вовлечении страны в мировую экономику, а также в трансформации политической системы, постепенном становлении демократических процедур и институтов. Вместе с тем, и в китайском обществе, и в политическом классе Китая имеются значительные группы и слои, трудно адаптирующиеся к рыночным преобразованиям. Эти группы с озабоченностью воспринимают растущую вовлеченность страны в мировую экономику, опасаясь, что рано или поздно демократизация политической системы обернется крупномасштабной дестабилизацией. Для них Соединен-

ные Штаты по-прежнему остаются потенциальным противником, с которым Китай в ближайшие десятилетия столкнется в острой борьбе за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Таким образом, будущее китайской внешней политики неразрывно связаны с перспективами модернизации экономики и политической системы. В целом же, с одной стороны, Китай является фактором стабильности, в том числе в примыкающих к российским границам районах Центральной Азии. С другой — он остается фактором неопределенности в мировой политике.

Перспективы формирования эффективной глобальной «коалиции заинтересованных» в стабильности и безопасности в немалой степени зависят от России. Наша страна является постоянным членом Совета Безопасности ООН и, что может быть еще важнее, — полноправным участником «большой восьмерки». Россия обладает вторым по величине арсеналом ядерного оружия, лишь незначительно уступая по этому параметру Соединенным Штатам Америки. И хотя в современных условиях роль ядерного оружия существенно сократилась по сравнению со временем «холодной войны», российский ядерный потенциал является существенным элементом соотношения военных сил на мировой арене и сегодня, и в перспективе. Но еще более важным является геополитическое положение России в качестве центрального компонента евразийской военно-политической системы. Вместе с тем, роль России в мировой политике, в том числе в формирующейся глобальной антитеррористической коалиции, зависит от того, насколько успешно будут преодолены тяжелые системные последствия 70-летнего коммунистического периода, в том числе в области внешней политики.

Обновление внешнеполитической философии России

Падение коммунистического режима создало предпосылки для решения актуальных экономических и политических проблем России. Появилась возможность выхода общества из стратегического тупика, в котором оно оказалось в результате грандиозной и трагической попытки осуществить на первый взгляд привлекательную, но на деле катастрофическую социальную утопию левого толка. Президент Владимир Путин неслучайно отметил в начале 2004 года:

«Переход к демократии и рыночной экономике в начале 90-х был самым активным и решительным образом поддержан гражданами России, которые сделали окончательный и, хочу подчеркнуть это еще раз, бесповоротный выбор в сторону свободы. Это было огромным и реальным достижением российского народа, думаю, одним из самых больших достижений нашей страны в XX веке»²⁰.

Переход к демократии и рыночной экономике, «бесповоротный», как подчеркнул Владимир Путин, «выбор в сторону свободы», открыл также перспективу конструктивного участия России в международных усилиях по строительству стабильного мирового порядка, стимулирующего технологический прогресс, экономическую и социальную модернизацию страны.

Вместе с тем, крушение коммунистической системы не могло не сопровождаться острыми кризисными явлениями в экономике, политике и общественном сознании. Одни из них были неизбежны, другие — вызваны непоследовательным проведением в жизнь экономических и политических реформ в результате обстоятельств субъективного порядка, в том числе давления различных лоббистских групп и кланов. Крайне негативную роль играла и во многом играет до сих пор унаследованная от советского прошлого структура экономики, в которой имеются обширные анклавные, неспособные, по сути дела, адаптироваться к рыночным условиям. В итоге, 1990-ые годы были периодом тяжелого экономического спада и политической нестабильности. Одновременно, во внешней политике России накапливались алармистские настроения и подозрительность по отношению к Западу, усиливались другие стереотипы, унаследованные от советского прошлого.

Положение стало меняться к лучшему в первые годы XXI века. Имеет место устойчивый экономический рост, повысилась политическая стабильность, укрепились государственные институты. Это создает практическую возможность для перехода к новому этапу развития страны. Его содержание — модернизация экономики, политической системы и вооруженных сил. Успех — или его отсутствие — в решении этих общенациональных задач будет определять место России в глобальной системе первой половины XXI века, ее конкурентоспособность и, более того, жизнеспособность, в том числе перед лицом все более опасной угрозы международного терроризма.

В свою очередь, внешняя политика может и должна содействовать модернизации страны и реалиям складывающейся на мировой арене ситуации. Для этого она должна ориентироваться на достижение четко выверенной системы целей, учитывающих движущие силы и механизмы эволюции международных отношений. В частности, нарастание угроз, типичных для начала XXI века, предопределяет особое значение обеспечения безопасности в системе внешнеполитических приоритетов. В свете этого принципиальное значение для России имеет поиск союзников в бескомпромиссной и жесткой борьбе с международным терроризмом и укрепление глобальной антитеррористической коалиции. Вместе с тем, если внешняя политика будет исходить из устаревших представлений, процесс модернизации и повышения конкурентоспособности страны будет затруднен и даже заблокирован, Россия может оказаться в международной изоляции и быть отодвинутой на периферию мировой политики.

На протяжении 1990-х годов концептуальные основы российской внешней политики претерпевали серьезную эволюцию. В первые годы после крушения Советского Союза линия России на мировой

арене исходила из представления не только о желательности, но и о возможности и быстрого и безболезненного «включения» страны в геополитическую и геоэкономическую систему западных стран. В российском внешнеполитическом сообществе доминировали представления о том, что распад коммунистического режима является не только необходимым, но и достаточным условием превращения России в привилегированного партнера, а затем и союзника ведущих западных государств.

Для оптимистических ожиданий были определенные основания. Например, на удивление быстро, по сравнению с предыдущими соглашениями по контролю над стратегическими вооружениями, был разработан и в январе 1993 года подписан российско-американский Договор СНВ-2, открывавший путь к глубоким сокращениям ядерных арсеналов двух государств. По инициативе американских сенаторов Нанна и Лугара была начата масштабная программа Совместного уменьшения угрозы. Россия и США активно и в целом плодотворно сотрудничали с тем, чтобы добиться от Украины присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

Однако к середине прошлого десятилетия ситуация в отношениях России и западных государств заметно осложнилась. Тяжелый экономический кризис и политическая нестабильность, непреодоленный ценностный разрыв, рост влияния левой и националистической оппозиции изменили образ России в глазах западных политиков и аналитиков. Она стала рассматриваться не как потенциальный партнер, но, скорее, как «больной человек Евразии», как некая «серая зона», откуда исходят угрозы, порожденные организованной преступностью, распадом системы государственного управления, отсутствием гражданского общества и потерей контроля над оружием массового уничтожения. Надо признать, что, по крайней мере, частично такие опасения имели право на существование.

В России также нарастало разочарование. Несбывшиеся ожидания провоцировали пересмотр внешнеполитических установок. Запад все более воспринимался как исторический соперник, а иногда и как имманентный противник России, заинтересованный в ее ослаблении и даже распаде. Все шире распространялись заимствованные у, казалось бы, бесповоротно и заслуженно забытых российских философов ультраконсервативного толка представления о «духовной» или культурно-цивилизационной несовместимости России и Европы. Этими настроениями не замедлили воспользоваться те круги российского истеблишмента, для которых сближение с Западом означало сокращение экономических позиций, потерю политического влияния и общественного статуса. В частности, левая и националистическая оппозиция увидела в трудностях, возникших в отношениях с ведущими западными странами, еще одну возможность для критики высшего политического руководства, обвиняя его в недооценке угроз, исходящих якобы от США, НАТО и других западных стран и институтов.

В такой эмоциональной и интеллектуальной атмосфере неизбежные расхождения и несовпадения интересов России и ведущих государств Запада стали восприниматься как проявления неразрешимого конфликта, обусловленного глубокими системными характеристиками мировой геополитики. Расширение НАТО на восток было воспринято как угроза национальной безопасности и предпосылка изоляции России от Европы. События в бывшей Югославии высветили противоречия, связанные с гуманитарными интервенциями, ролью ООН и ее Совета Безопасности в решении вопросов войны и мира, ограниченностью национального суверенитета в условиях нарастающей глобализации и некоторые другие. Косовский кризис 1999 года, перспектива принятия в НАТО новых независимых государств Балтии и подготовка США к выходу из Договора по ПРО к концу прошлого десятилетия вплотную подвели отношения между Россией и НАТО, а также Россией и США к порогу новой «холодной войны».

Выход из опасного тупика, в котором оказалась внешняя политика России, требовал не только практических действий, но и выработки новой внешнеполитической философии. Последняя была сформулирована президентом Путиным и учитывала как утопичный характер ожиданий, характерных для начала прошлого десятилетия, так и опасность конфронтационной стратегии, утвердившейся в российской линии на международной арене во второй половине 1990-х годов.

Исходным положением внешнеполитической концепции Президента Путина является тезис о том, что российская политика на международной арене должна быть прагматичной, ориентироваться на экономическую эффективность и приоритет национальных задач. Уже в июле 2000 года, в первом послании Президента, направленном Федеральному Собранию, говорилось:

«Самостоятельность нашей внешней политики не вызывает сомнений. Основу этой политики составляют прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальных задач»²¹.

Все три компонента этой формулы — прагматизм, национальные интересы и экономическая эффективность — в том или ином виде повторяются в других посланиях и выступлениях президента Путина. Они дополняют и уточняют друг друга. В частности, прагматизм как философская и политическая система предполагает, прежде всего, отказ от идеологических моделей, критериев и установок и от восприятия желаемого как действительного, ориентацию на здравый смысл, трезвый учет не только собственных интересов, но и собственных потенциалов. Основанный на таких посылах подход к формированию внешней политики неизбежно привел к фактическому отказу

²¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. — 8 июля 2000 года. — http://president.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type_63372_28782.shtml

от утопических и упрощенных представлений, характерных как для первой, так и для второй половины XX века.

Прагматический подход предопределяет, в частности, реалистическое восприятие внешнего мира, формирует адекватное представление о национальных интересах и об угрозах безопасности страны. Последнее имеет ключевое значение для выработки стратегических установок внешней и военной политики, поскольку их главная задача как раз и состоит в нейтрализации внешних угроз и вызовов.

В посланиях президента Путина, его многочисленных выступлениях к внешним угрозам отнесены международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты и их последствия. Эта точка зрения формировалась постепенно, во многом в связи с динамикой событий на мировой арене. Так, в апреле 2002 года в послании Президента Федеральному Собранию говорилось:

«Для нашего государства, давно столкнувшегося с терроризмом, не стояла проблема выбора — поддержать или не поддержать усилия по уничтожению его «логова». Тем более что эти меры действительно способствовали укреплению безопасности на южных границах нашей с вами страны и в значительной степени способствовали улучшению ситуации по этому вопросу во многих странах Содружества независимых государств»²².

Говоря это, Владимир Путин имел в виду принятое им сразу после событий 11 сентября 2001 года стратегическое решение поддержать Соединенные Штаты, ставшие жертвой беспрецедентного террористического акта, содействовать им в операции против режима Талибан в Афганистане. Не секрет, что осенью 2001 года в российских политических и военных кругах существовали и иные оценки и подходы. Например, предлагалось занять нейтралитет в надвигающейся войне против исламских экстремистов, контролировавших тогда Афганистан. Говорилось о необходимости противостоять появлению войск западных государств в странах Центральной Азии. Жизнь подтвердила правильность принятого решения. Оно, помимо всего прочего, стало основой для конструктивного участия России в международной антитеррористической коалиции, заложило основу для сотрудничества России и США не только по вопросам борьбы с терроризмом, но и по другим актуальным проблемам международной безопасности.

Еще более важной является ключевая формула, характеризующая спектр внешних угроз безопасности России, содержащаяся в Послании Президента Федеральному собранию от 16 мая 2003 года. Там сказано:

«В современном мире отношения между государствами в значительной мере определяются существованием серьезных — мирового мас-

²² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. — 18 апреля 2002 года. — http://president.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000_type63372_28876.shtml

штаба — реальных и потенциальных угроз. К числу таких угроз мы относим международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные, территориальные конфликты, наркоугрозу»²³.

Для того чтобы оценить значение этой формулы, да и всего внешнеполитического раздела президентского Послания, направленного российскому истеблишменту в мае 2003 года, необходимо учитывать как международную обстановку, сложившуюся сразу после завершения активной фазы боевых действий против режима Саддама Хусейна, так и ситуацию, существовавшую в то время в России. Хорошо известно, что влиятельная часть российского политического класса не преминула воспользоваться весьма противоречивой, возможно, — просто ошибочной операцией США против Ирака для того, чтобы подхлестнуть антиамериканские настроения, поставить таким образом под сомнение внешнеполитическую стратегию страны и экстремизировать конфронтацию с США и НАТО.

В этих условиях важным политическим сигналом было то, что, выступая с принципиальным политическим заявлением, российский руководитель не повторил распространившихся во время иракской войны деклараций об угрозе со стороны США. Более того, Владимир Путин недвусмысленно подчеркнул, что Россия «*доразвит сформировавшимся антитеррористическим сообществом*», рассматривает его как хороший пример «*консолидации цивилизованных государств в борьбе с общими угрозами*»²⁴. Даже для неискушенного наблюдателя ясно, что сердцевиной антитеррористического сообщества являются Россия, США, Израиль и некоторые другие страны, ставшие главным объектом террористической агрессии со стороны исламских радикалов. Вряд ли нужно говорить о том, что такая стратегическая установка становится для России особенно значимой после того, как наша страна стала объектом невиданных по своей жесткости террористических атак в августе-сентябре 2004 года.

При этом, внешнеполитическая философия Владимира Путина далека от идеалистических представлений. В частности, она свободна от иллюзий относительно подлинного характера отношений с Западом, в которых сотрудничество в одних областях — там, где интересы совпадают, — сочетается с соперничеством и конкуренцией. Последняя, впрочем, типична далеко не только для отношений России и ее западных партнеров. Взаимоотношения на мировой арене в целом, считает Президент, характеризуются острой конкуренцией за рынки, инвестиции, экономическое и политическое влияние. В итоге, место России в мировой системе определяется и будет определяться ее способностью преодолеть нынешнюю слабость, модернизировать общество, политическую систему, экономику и вооруженные

²³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. — 16 мая 2003 года. — http://president.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372_44623.shtml

²⁴ Там же.

силы. При этом Россия не может и должна изолировать себя от окружающего мира. Наоборот, со всей определенностью утверждает Путин, *«успех сопутствует тем государствам, которые осознанно, грамотно и динамично интегрируются в мировую экономику»*²⁵.

В свете этого внешняя политика России должна быть нацелена на содействие решению общенациональных задач. К их числу относятся повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйственную систему. В качестве приоритетов внешней политики названы защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках. В целом же, как подчеркнул Владимир Путин, выступая в июле 2004 года в Министерстве иностранных дел России,

*«важно поставить внешнеполитическую деятельность на службу всестороннему развитию и модернизации страны, приблизить дипломатию к повседневным нуждам и интересам граждан России»*²⁶.

Таким образом, геополитическое видение мировой политики, исходящее из соотношения военных сил, воспринимающее международные отношения главным образом как силовую борьбу за сферы влияния, заменяется системой представлений, обычно называемых «геоэкономическими». В рамках геоэкономического видения мировой политики угрозы национальной безопасности России порождаются, в конечном итоге, ее экономической слабостью и, что особенно важно, отставанием в разработке и освоении новых технологий. При этом мировой опыт показывает, что в современных условиях технологический прогресс невозможен без социальной и политической конкуренции, свободы интеллектуального творчества и эффективного гражданского общества.

К ключевым элементам внешнеполитической философии Президента Путина относится положение о многовекторном характере российской внешней политики. По сути дела, речь идет о том, что Россия должна выстраивать конструктивные отношения со всеми теми государствами, которые представляют для России интерес, решая в каждом конкретном случае конкретные важные для России проблемы.

«Главная цель нашей политики, — подчеркнул Владимир Путин в марте 2004 года, — заключается не в том, чтобы демонстрировать какие-то амбиции имперского характера, а в том, чтобы обеспечить благоприятные внешние условия для развития России. ... Мы будем выстраивать многовекторную внешнюю политику, мы будем работать и с Соединенными Штатами, и с Евросоюзом, и с отдельными странами Европы. Будем работать с нашими азиатскими

²⁵ Там же.

²⁶ Выступление на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России. - 12 июля 2004 года. - <http://president.kremlin.ru/text/appears/2004/07/74399/shtml>

партнерами, с Китаем, с Индией, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона»²⁷.

Многовекторная стратегия по самой своей логике отличается от стратегии, которая в свое время была названа «многополярной». Последняя исходила не из конкретной ситуации, складывающейся в тот или иной момент времени на мировой арене, а была нацелена на формирование относительно устойчивой коалиции, препятствующей установлению американской гегемонии, формированию «однополярного мира». «Многополярная» концепция не учитывала в полной мере глубокие трансатлантические связи, выдержавшие, в том числе испытание иракским кризисом 2003 года, а также стратегическую заинтересованность Китая в поддержании нормальных отношений с США, по крайней мере, до того момента, когда китайское руководство сочтет решенными основные задачи модернизации экономики и вооруженных сил.

Таким образом, в первой половине нынешнего десятилетия в России была выработана новая философия внешней политики. Ее ключевыми элементами стали прагматическое, деидеологизированное восприятие внешнего мира и национальных интересов страны; адекватное представление об угрозах безопасности; геоэкономическая ориентация и замена «многополярной» стратегии многовекторной. Актуальной задачей сегодня является полное претворение в жизнь обновленных стратегических установок с тем, чтобы в максимальной мере использовать открывающиеся международные возможности в интересах России.

Цель – «коалиция победы»: от политической философии к политической практике

Переосмысление стратегического курса в первые годы XXI века позволило укрепить положение России на мировой арене. Удалось преодолеть кризис в отношениях с ведущими демократическими государствами. Эти отношения имеют принципиальное значение. От того, как они будут складываться, зависит, в частности, устойчивость глобальной антитеррористической коалиции, а также, что весьма важно для модернизации экономики, вхождение России в международные экономические институты.

Обычно аналитики связывают поворот в российской внешней политике с решением Президента Путина поддержать США после трагических событий 11 сентября 2001 года. Но это решение было подготовлено предыдущим ходом событий. Уже в самом начале 2000 года Кремль сигнализировал о готовности наладить отношения с НАТО. А первые признаки отхода от бесперспективной позиции по

---

²⁷ Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России – 15 марта 2004 года. – <http://president.kremlin.ru/text/appears/2004/03/61835.shtml>

проблеме Договора по ПРО появились после российско-американского саммита в Любляне. В частности, после беседы с Дж. Бушем Владимир Путин заявил, что решать эту проблему Россия и США будут, исходя

«... из обоюдного понимания, что мы являемся партнерами. ... Думаю, — добавил он, — что мы можем выработать общий подход. ... Есть элементы, которые нас объединяют с нашими партнерами в США»²⁸.

Таким образом, позитивные сдвиги в отношениях России и Запада наметились еще до 11 сентября 2001 года. Президент Путин, как считают многие эксперты, прекрасно понимал, что главная задача, стоящая перед Россией, не демонстрация военной мощи, тем более существенно ослабленной, но преодоление экономического и социального кризисов, восстановление управляемости государством и модернизация экономики. Для этого необходимо не только предотвратить надвигающуюся конфронтацию с Западом, но и выстроить конструктивные отношения с ведущими западными странами, а в перспективе — интегрировать Россию в мировую экономику.

Подлинный перелом в российско-американских отношениях был обусловлен реакцией Кремля на события 11 сентября 2001 года, в том числе поддержкой антитеррористической операции в Афганистане и согласием на размещение западных военных объектов в государствах Центральной Азии. Последнее до сих пор порождает некие озабоченности у традиционно настроенной части российской политической и военной элиты. Но при этом упускается из виду, что, по сути дела, у России нет ни экономических, ни военных ресурсов, достаточных для того, чтобы предотвратить дестабилизацию региона исламскими радикалами. В свою очередь, эскалация экстремизма в Центральной Азии представляет собой прямую угрозу безопасности России. Волны нестабильности могут распространиться на территорию России. И потому появление в Центральной Азии дополнительных сил, способных подавить действующие там экстремистские группировки отвечает интересам России. Бывший тогда министром иностранных дел России, а ныне — Секретарь Совета безопасности РФ Игорь Иванов справедливо заявил:

«Американские военные, а также некоторые представители европейских государств обустроиваются или находятся в этих странах с тем, чтобы принимать участие в международных усилиях по борьбе с терроризмом. ... Как для России, так и для стран Центральной Азии очень важно перекрыть любую угрозу, исходящую с территории Афганистана — будь то угроза терроризма, сепаратизма или экстремизма. И здесь наши интересы объективно совпадают, и мы взаимодействуем в рамках этой международной коалиции. ... Что касается будущего, то время покажет. Для нас принципиально важно, чтобы государства Центральной Азии развивались стабильно и гар-

монично. Это касается и политического и социально-экономического развития»²⁹.

Сложившаяся в результате новая атмосфера в отношениях с США позволила Москве достойно отреагировать на выход последних из Договора по ПРО. Комментируя этот шаг Вашингтона, президент России подчеркнул, что он не явился неожиданностью. Россия, отметил он, давно располагает эффективными средствами преодоления противоракетной обороны. Поэтому принятое президентом США решение не создало угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Но ключевой момент заявления, как представляется, был следующий:

«... Сегодня, когда мир столкнулся с новыми угрозами, нельзя допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности, нельзя подрывать режимы нераспространения оружия массового уничтожения. Считаю, что нынешний уровень двусторонних отношений между Российской Федерацией и США должен быть не только сохранен, но и использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений»³⁰.

В этом заявлении отразилась новая философия российского подхода к международным делам. Москва отказалась от идеологизированной внешней политики. Вместо того, чтобы ставить на первое место проблемы, по которым имелись разногласия, и обуславливать развитие взаимосвязей по иным направлениям их устранением, Кремль выдвинул на первый план разработку всего комплекса новых стратегических отношений. Становление их, в свою очередь, позволяет снизить значимость разногласий или нейтрализовать их. Такая линия принесла свои плоды. Президент Дж. Буш согласился на заключение юридически обязывающего Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, хотя это и не включалось в американскую повестку дня.

Но дело не ограничилось, как это могло быть и ранее, своего рода «разменом» Договора по ПРО на Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. В мае 2002 года была принята Декларация о новых стратегических отношениях между Россией и США, содержащая развернутую философию новых российско-американских отношений. Она сводилась к пяти основным концептуальным положениям³¹.

Во-первых, было констатировано, что *«эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась», а «новые глобальные вызовы и угрозы требуют качественно новой основы»* отношений двух государств.

²⁹ Интервью министра иностранных дел РФ И.С. Иванова информационной программе «Время» телеканала ОРТ. — 11 января 2002. — www.mid.ru.

³⁰ Заявление Президента России В.Путина. — <http://www.president.kremlin.ru/text/appears/2001/12/28746.shtml>

³¹ Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. — www.mid.ru

Во-вторых, было дано определение новых стратегических отношений. Они, как сказано в Декларации, означают партнерство в целях «*продвижения стабильности, безопасности, экономической интеграции, совместного противодействия глобальным вызовам и содействия решению региональных конфликтов*». Особое значение имеют при этом «совместные усилия в борьбе с новыми глобальными вызовами XXI века, включая борьбу с взаимосвязанными угрозами международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки».

В-третьих, была обозначена принципиально новая модель отношений России и США в зоне бывшего СССР, основанная не на «игре с нулевой суммой», но на принципе сотрудничества в целях обеспечения стабильности и безопасности. В Декларации подчеркнуто:

«В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наш общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона. Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества «великих держав», которое может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах. Россия и США будут сотрудничать в решении региональных конфликтов, в том числе в Абхазии и Нагорном Карабахе, а также приднестровского вопроса в Молдавии».

В-четвертых, было зафиксировано, что

«успешное национальное развитие в XXI столетии требует уважения норм и практики свободного рынка. ... Открытая рыночная экономика, свобода экономического выбора и открытое демократическое общество являются наиболее эффективными средствами обеспечения благосостояния граждан наших стран».

Президенты двух государств заявили, что они будут «уважать основные демократические ценности, права человека, свободу слова и свободу СМИ, терпимость, верховенство права и экономические возможности».

В-пятых, были обозначены практические шаги, направленные на формирование новых отношений в военной области. Среди них — укрепление доверия и расширение транспарентности, а также изучение возможности сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе, совместные исследования и разработки, ознакомительные осмотры противоракетных систем и совместные учения. Было выражено намерение предпринять шаги, необходимые для начала функционирования Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения.

Значение Декларации о новых стратегических отношениях между Россией и США трудно переоценить. В ней были обозначены принципиальные развязки практически всех проблем, дестабилизировавших российско-американские отношения в 1990-е годы, и намечены практические пути к реальному партнерству в области безопасности.

Перелом в российско-американских отношениях содействовал позитивному решению проблем, накопившихся между Россией и

НАТО в связи с расширением Североатлантического альянса на восток. Сразу после российско-американского саммита в мае 2002 года состоялось заседание Совета «Россия-НАТО» на высшем уровне, на котором была принята Римская декларация, обозначившая новые рамки отношений России и Альянса. Фактически, в их отношениях начался новый этап. О революционных изменениях в российском подходе к НАТО дает представление высказывание министра обороны Сергея Иванова в лондонском Международном институте стратегических исследований:

«Еще десять лет назад партнерство с НАТО казалось «невыполнимой миссией... Эпоха «холодной войны» ушла в прошлое, а вместе с ней стираются, пусть и мучительно долго, стереотипы конфронтационного мышления. Это уже история. ... Мы все стали лучше осознавать, что живем в сложном и взаимозависимом мире, в котором нам угрожают общие вызовы нового поколения. Пришло понимание того, что глобальные риски носят апокалиптический характер и требуют адекватных ответов, прежде всего, посредством объединения усилий всего мирового сообщества. «Коалиция желающих» должна трансформироваться в «коалицию победы», как это произошло в годы Второй мировой войны»³².

Такой подход находит понимание в НАТО и приводит к неплохим результатам. И хотя, к сожалению, пока говорить о формировании реальной «коалиции победы» еще рано, за последние годы была создана конструктивная система взаимодействия между Министерством обороны России и военными органами НАТО. Удалось сделать первые, но важные шаги в таких приоритетных областях, как взаимодействие органов оперативного управления, совместимость средств связи и информации, обмен опытом подготовки военных кадров, совместимость национальных военно-воздушных и военно-морских сил. В целом же, например, в рабочую программу Совета «Россия-НАТО» на 2004 года включены более 100 совместных мероприятий военных ведомств. Россия регулярно участвует в заседаниях Конференции национальных директоров по вооружениям и Агентства НАТО по стандартизации. Удалось достичь беспрецедентной транспарентности в военно-морской области. Это является существенным фактором обеспечения общеевропейской стабильности. На протяжении последних лет развивается взаимодействие Россия-НАТО в такой важной сфере, как миротворчество. В частности, подготовлен документ «Политические аспекты базовой концепции совместных миротворческих операций Россия-НАТО», фиксирующий принципы совместной миротворческой деятельности на равноправной основе.

Новый климат в отношениях России с ведущими западными государствами позволил этим отношениям выдержать тяжелое испытание

³² Выступление министра обороны РФ С.Б.Иванова «Россия-НАТО: стратегические партнеры перед лицом новых угроз» — Лондон: Международный институт стратегических исследований. — 13 июля 2004 года. — <http://www.iiss.org/conferencepage.php?conID=67>

тание иракским кризисом. Последний выявил расхождения в подходах России и США к обеспечению международной и национальной безопасности. Кроме того, в очередной раз о себе заявили силы, недовольные наметившимся российско-американским сближением.

В Кремле разделяли озабоченность США и Великобритании относительно возможного обретения багдадским режимом оружия массового уничтожения. Вместе с тем, в Москве понимали, что операция в Ираке была предназначена не только для того, чтобы предотвратить получение Саддамом Хусейном оружия массового уничтожения. Последнее не требовало крупномасштабных военных действий. Фактически, речь шла о смене режима путем военного вмешательства извне. Это противоречит принятым сегодня в России взглядам. В настоящее время отсутствуют правовые нормы, определяющие критерии применения силы против режимов, уличенных в распространении оружия массового уничтожения, притеснениях собственного народа или поддержке терроризма. В этих условиях согласие Москвы с американо-британской операцией против Багдада, в том числе голосование в Совете Безопасности ООН за соответствующую резолюцию, означало бы легитимизацию применения военной силы без ясных критериев, когда и при каких обстоятельствах такое применение обосновано, а когда — нет. В итоге правовые и институциональные основы мировой политики, в том числе ООН и ее Совет Безопасности, были бы серьезно ослаблены.

При этом, были все основания предполагать, что война в Ираке обернется там длительной нестабильностью, приведет к подъему исламского терроризма. Эти предположения оправдались. В Ираке началась «война всех против всех», там активно действуют исламские террористические группировки, а перспективы стабилизации туманны. В зоне Персидского залива возник дополнительный очаг нестабильности, негативное воздействие которого выходит далеко за пределы региона. Как подтвердили взрывы в Мадриде, война в Ираке стимулировала исламский терроризм и в Европе.

Наконец, Кремль учитывал внутривнутриполитическую ситуацию в стране накануне парламентских и президентских выборов. Было ясно, и последующие события подтвердили это, что война в Ираке вызовет всплеск антиамериканских эмоций, которым не замедлят воспользоваться левая оппозиция и разнообразные националистические и реваншистские группировки. В этих условиях любая поддержка операции США против Багдада со стороны российской власти превратила бы ее в мишень жесткой демагогической критики.

Свою роль сыграли попытки реанимировать «многополярную» стратегию. В частности, в российских экспертных кругах заговорили о близкой перспективе создания сплоченной франко-германо-российской коалиции, способной уравновесить военно-политическое влияние США. Жизнь, однако, опровергла такие расчеты. Уже во второй половине 2003 года стало ясно, что ни Россия, ни Франция, ни Германия не готовы пожертвовать своими отношениями с США, несмотря на все выявившиеся сложности.

В Москве, естественно, вызывало раздражение и озабоченность нежелание Вашингтона прислушаться к разумным аргументам найти политический путь решения вопроса о предполагаемом иракском оружии массового уничтожения и не порождать серьезных осложнений на международной арене. Вместе с тем, в российском руководстве понимали, что поражение США в Ираке привело бы к подъему террористических движений, воодушевило бы поддерживающие их режимы, а также страны, стремящиеся к оружию массового поражения. Эти и другие деструктивные силы убедились бы в том, что в мире нет государства, способного в случае необходимости военным путем пресечь деятельность, создающую угрозы для международного мира. Для России ситуация осложнялась тем, что многие такого рода режимы обретаются в районах, примыкающих к российским границам. Таким образом, заявления Москвы об ошибочности американо-британской операции в Ираке были абсолютно обоснованными. Но столь же обоснованным было высказывание Президента Путина в начале апреля 2003 года о том, что поражение США не отвечает интересам России.

Война в Ираке спровоцировала серьезную, но относительно краткосрочную напряженность в российско-американских отношениях. Нормализации отношений с США способствовала поддержка Россией резолюции Совета Безопасности ООН № 1483, легализовавшей, помимо всего прочего, сформированные США и Великобританией органы управления Ираком. Важно также, что российская дипломатия, в том числе и на высшем уровне, приложила усилия для налаживания отношений США с Францией и Германией. В целом же, к лету 2003 года кризис, вызванный войной в Ираке, был в основном преодолен, хотя его отголоски дают о себе знать до сих пор.

После иракского кризиса сложности в отношениях России и Запада, мешающие формированию эффективной «коалиции победы», порождаются несколькими обстоятельствами. И в России, и на Западе не преодолена взаимная подозрительность и недостаточное понимание мотивов и логики действий партнера. Так, в российских военных кругах можно встретить сохраняющиеся до сих пор опасения в связи с расширением НАТО на восток. Таких опасений нет у высшего политического руководства страны. В Кремле рассматривают расширение НАТО на восток как бессмысленное с точки зрения противодействия новым угрозам, но не как угрозу безопасности России, а проблемы, возникающие в связи с сугубо военными аспектами расширения Альянса, предлагается решать в рамках Совета «Россия-НАТО». Президент Путин ясно заявил на встрече с канцлером Германии:

«Мы не высказывали каких-то опасений по поводу расширения НАТО, мы говорили о том, что современные угрозы таковы, что расширением НАТО они не устраняются. ... С нашей стороны было четко заявлено, что каких-либо озабоченностей в связи с расширением НАТО с точки зрения обеспечения безопасности Российской Федерации у нас не возникает. Но придвижение военной инфраструктуры НАТО к

нашим границам, конечно, внимательно изучается нашими специалистами, и мы соответствующим образом будем выстраивать свою оборонную политику и политику в области безопасности. Мы рассчитываем, что в рамках Совета «Россия-НАТО» мы будем решать любые вопросы, любые проблемы, и видим сотрудничество в рамках этой структуры как генеральный путь развития наших отношений с организацией Североатлантического договора»³³.

Далее, трудности в развитии отношений России и ее западных партнеров порождаются не всегда идентичными подходами к обеспечению стабильности безопасности в зоне бывшего СССР. Российское руководство со всем на то основанием полагает граничащие с Россией государства зоной российских интересов. Это естественно и понятно. Россия не может оставаться безучастной к тому, что происходит вблизи ее границ, особенно учитывая, что эти границы до сих пор остаются во многом прозрачными. Велики и российские экономические интересы в новых независимых государствах. Но это вовсе не означает, что последние могут быть зоной исключительного влияния России. Во-первых, речь идет о независимых государствах, имеющих полное право выбирать союзников и друзей. Во-вторых, как показывает опыт последних лет, любая попытка утвердить Россию в качестве «патрона» бывших союзных республик воспринимается там как рецидив имперской политики, вызывая всплески анти-российских настроений.

Вместе с тем, наши партнеры на Западе далеко не всегда учитывают специфику российского «постимперского» менталитета, комплексы, испытываемые значительной частью российского общества после краха Советского Союза. Между тем, распад любой империи, в том числе происшедшая во второй половине прошлого века ликвидация Британской и Французской колониальных систем, болезненно сказывается на политическом мышлении бывших метрополий. В Москве не может не вызывать раздражения присущее временами американской элите «высокомерие силы», тем более, что, как показывают события в Ираке, военная сила даже в сочетании с экономической мощью далеко не всегда способна решить проблемы безопасности. Вряд ли и некоторым европейским политическим деятелем стоит выговаривать России относительно тех или иных проблем, относящихся к нашим внутренним делам. Ведь и у Москвы есть свои, и вполне обоснованные, озабоченности двойными стандартами, характерными для подхода тех или иных европейских элит к борьбе с терроризмом.

Но, несмотря на эти сложности, в последние месяцы со стороны России был сделан ряд важных шагов, свидетельствующих о стремлении конструктивно участвовать в международной «коалиции заинтересованных». Так, в мае 2004 года было объявлено о присоеди-

---

³³ Совместная пресс-конференция с Федеральным канцлером Германии Герхардом Шредером. — Ново-Огарево. — 2 апреля 2004 года. — http://president.kremlin.ru/appears/2004/04/02/1553_type63380_62813.shtml

нении России к выдвинутой США Инициативе по безопасности в области распространения, которая направлена на пресечение незаконной транспортировки оружия массового уничтожения, соответствующих материалов и технологий. Важность этого шага, помимо всего прочего, обусловлена тем, что эта Инициатива является первым, но возможно не последним, примером инновационного подхода к противодействию распространению оружия массового уничтожения. В июле 2004 года в России завершился процесс ратификации Соглашения об адаптации Договора по обычным вооруженным силам в Европе. Это — обнадеживающие признаки, свидетельствующие о том, что прагматическая линия в российской внешней политике обрела стабильный и целенаправленный характер.

Но в целом, последовательное и плодотворное участие России, как, впрочем, и ряда других, в том числе европейских государств, зависит от способности признать необходимость выработки новых правовых норм и механизмов, адекватных современным международным условиям. Нравится это или нет, но вмешательство во внутренние дела суверенных государств постепенно становится все чаще встречающейся практикой мировой политики. Целью такого вмешательства может стать подавление террористических группировок, предотвращение обретения оружия массового уничтожения, пресечение сепаратизма и иных опасных политических проявлений.

Заключение

Данная работа не претендует, разумеется, на то, чтобы представить сколько-нибудь полные ответы на поставленные вопросы. Автор, однако, надеется, что его размышления помогут читателям сформировать свою точку зрения, высветят, быть может, новые аспекты обсуждаемых в научном и политическом сообществах проблем, внесут свой, пусть скромный, вклад в понимание ситуации, складывающейся на международной арене. Здесь можно было бы поставить точку. Тем не менее, есть три момента, которые мне хотелось бы особо подчеркнуть.

Первое. Развитие событий на мировой арене все острее ставит вопрос о необходимости творческого подхода к выработке средств и методов обеспечения безопасности и преодоления нарастающих кризисных явлений. Следование устаревшим представлениям, сколь бы привычными и привлекательными они не были бы, может иметь тяжелые последствия.

Второе. Расхождения позиций и интересов существуют даже между близкими и давними союзниками, разделяющими одинаковые социальные и политические ценности. Но абсолютизация этих расхождений может привести к подрыву самих основ жизненного необходимого сотрудничества России и стран Запада во имя борьбы с терроризмом. Опасно и контрпродуктивно превращать неготовность

полностью принять позицию друг друга в своего рода испытания на прочность всего комплекса отношений между Россией и Западом.

Третье. Ситуация на мировой арене нередко требует немедленной, жесткой силовой реакции, в том числе превентивных действий направленных не только на уничтожение террористических группировок и сетей, но и ликвидацию всей инфраструктуры терроризма. Поэтому на первое место выходит вопрос не о целесообразности, но об эффективности силовой политики. Политические методы могут и должны дополнить силовые решения там и тогда, где и когда речь идет об изоляции террористических группировок, мобилизации умеренных сил в исламском мире, создании тех или иных антитеррористических коалиций.

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ – ректор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Анатолий Торкунов родился в Москве в 1950 г. Окончил факультет международных отношений МГИМО, а также аспирантуру этого института. С 1974 г. работает в МГИМО в качестве преподавателя, доцента, профессора кафедры востоковедения и кафедры международных отношений и внешней политики. Доктор политических наук, профессор.

В 1977–1983 гг. – декан, проректор по международным связям МГИМО, в 1986–1992 гг. – декан факультета международных отношений, первый проректор. С 1992 г. – ректор МГИМО.

В 1971–1972 гг., а также в 1983–1986 гг. находился на дипломатической службе в советских посольствах в КНДР и США. Участник многих международных конференций и переговоров. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ (1993 г.).

Является специалистом по проблемам российской внешней политики, Азиатско-Тихоокеанского региона, Корейского полуострова. Автор более 80 публикаций, в том числе 9 книг. Часть из них издана за рубежом – в США, Южной Корее, Японии, Китае и др. странах. Под его редакцией подготовлены фундаментальные учебники и монографии: «Современные международные отношения и мировая политика», «Современные международные отношения» (выдержал три издания), «Внешняя политика Российской Федерации», «Видные российские дипломаты» и др. Член-корреспондент Российской Академии наук.